

**Книги
Елены Кондрацкой:**

Цикл «Дивные Берега»

У Ворона две жизни
Когда заканчиваются сказки
Клятвы мертвых птиц

Цикл «Сны Истока»

Сон в тысячу лет
Колыбельная горы Хого
Восход над деревом гинкго

ЕЛЕНА
КОНДРАЦКАЯ

КЛЯТВЫ
МЕРТВЫХ
ПТИЦ

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К64

Иллюстрации на переплете, форзацах, вклейках
и в тексте *Евгении Морозовой (Eumiltn)*
Разработка серийного оформления *Кати Петровой*
Дизайн переплета *Радия Фахрутдинова*

Кондрацкая, Елена Анатольевна.

К64 Клятвы мертвых птиц / Елена Кондрацкая. — 2-е издание, исправленное. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с. : ил.

ISBN 978-5-04-201948-7

Гвардия пала. Даргород захвачен чернокнижниками. Атли взят в плен. Василиса, Кирши и Финист отправляются в Темные Леса, чтобы найти легендарное оружие против Теней, свергнуть чернокнижников и спасти Вольское Царство.

Но как победить, если магия потеряна, а Темные Леса хранят страшные тайны прошлого? Тайны, которые заставят сомневаться — верную ли сторону битвы выбрала чародейка.

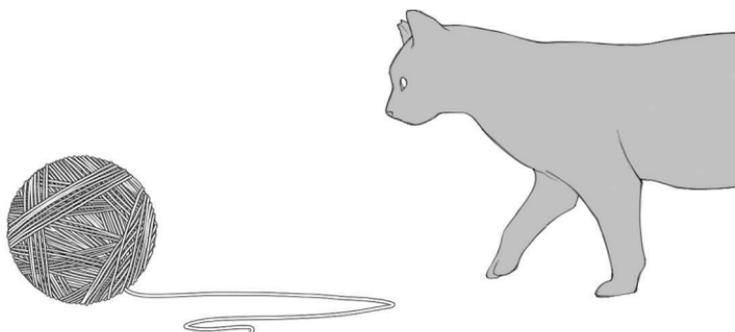
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кондрацкая Е., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-201948-7

Огонь души, смейся, пляши!
Смерть под окном, не пускай её в дом.
Пылай, гори, птицей лети,
Ведь две жизни у Ворона, как ни крути!
Группа «Чай с Вербеной»

1

СВОБОДНЫЙ ВОЛК В СЕРЕБРЯНОМ ОШЕЙНИКЕ

Атли лежал на холодному полу тронного зала Царских Палат, прикованный серебряными кандалами к пустующему трону. Обнажённое, измученное тело покрылось мурашками. Серебро жгло запястья и шею. А ещё безумно болела левая сторона лица, спрятанная под повязками.

Атли перевернулся на спину, перевёл взгляд на огромную клетку, стоящую с другой стороны от трона. В ней беспокойно ходил из стороны в сторону медведь. Царевич Дарен. Прутья клетки, когда он к ним приближлся, вспыхивали, покрытые тлеющими рунами.

Они так и не смогли выбраться из города в ту ночь. Обезумевший от пробуждения после долгой спячки медведь и израненный им Атли стали лёгкой добычей для чернокнижников. Каким-то чудом им удалось прорваться ко второй стене Даргорода, а дальше — всё как в тумане. Атли очнулся уже здесь, совершенно голый и прикованный к трону нового правителя.

Зал был практически таким же, как раньше, только исчезли полотна с изображениями медведей — симво-

лами царского рода. На их месте, за тронем, развернулся чёрный гобелен с вязью красных рун. Руны были сплетены так плотно и замысловато, что никак не получилось угадать их общее значение. Часами лёжа на полу, Атли разглядывал вязь, силясь понять написанное, но раз за разом ответ ускользал от него, будто сами руны не хотели, чтобы их читали те, для чьих глаз они не были предназначены. А возможно, это измученное голодом, болью и издевательствами сознание Атли играло с ним, размывая и без того хаотично блуждающие мысли.

Двери заскрипели, отворяясь, и в зал вошла девушка с лоханью воды и жгучей, дурно пахнущей мазью, лежащей в одном из карманов передника. Волк внутри Атли почувствовал её ещё за дверью, зарычал и прикрыл морду лапами. Чернокнижница по имени Сорока приходила дважды в день, утром и вечером, чтобы обработать рану, и хранила молчание, что бы Атли у неё ни спрашивал.

8

Сорока поставила лохань на пол и, нахмутив густые чёрные брови, пнула Атли по ноге. Несильно, просто привлекла к себе его внимание. Атли с трудом пошевелился — сломанные медведем рёбра срастались медленно из-за серебра, пленившего Волка, и напоминали о себе при любом движении. Атли медленно сел, скрестив ноги и прикрываясь ладонями, хотя его нагота мало интересовала Сороку.

Она подобрала юбки и опустилась на корточки. Один глаз её был карий, почти чёрный, а второй — белый, слепой, он привлекал внимание к огромному розовому шраму, явному последствию сильного ожога. Шрам охватывал всю правую сторону лица, спускался на шею и прятался под белой вышиванкой. Левая сторона лица сохранила красивые, правильные черты и даже иногда улыбалась Атли.

Сорока стянула с лица Атли пропитанные сукровицей и мазью повязки, вытащила из передника чистую ткань и опустила обожжённые руки в лохань с чистой

водой. Атли аккуратно приоткрыл левый глаз, уже по привычке проверяя, сохранил ли тот способность видеть. К счастью, пока да.

— Если ты снимешь с меня серебряные побрякушки, всё мигом заживёт и больше не придётся тратить время и возиться с повязками, — бросил Атли почти шутливо.

Сорока не ответила, хмуро рассматривая рану.

— Всё не так уж плохо, а? — снова попытался Атли. — Как считаешь, останется шрам?

Вместо ответа Сорока приложила мокрую тряпицу к ране, Атли зашипел от боли и отпрянул, но чернокнижница ловко ухватила за цепь, что крепилась к его ошейнику, и грубо дёрнула на себя. Серебро впилося в кожу, обжигая и заставляя Атли подчиниться.

— Знаешь, я всегда питал слабость к сильным женщинам, — выдавил Атли, морщась, но позволяя Сороке промыть рану. — То есть чувствовал себя рядом с ними слабым и ничтожным. Моя учительница по фехтованию — двухметровая оборотниха — каждый день заставляла меня эту слабость ощущать. Пусть мне было пять, а ей семьдесят — лупила она меня деревянным мечом как равного.

Тонкие губы Сороки тронула тень улыбки. Она выудила из кармана баночку с мазью, и Атли прикрыл глаза, приготовившись к тому, что сейчас рану будет печь. В нос ударил запах полыни и аконита. Волк поджал хвост и заскулил.

— Где ты научилась врачевать? — спросил Атли, пока Сорока накладывала чистую повязку. — У тебя очень искусно выходит. Твоя мать научила?

Руки Сороки дрогнули, и Атли с досадой понял, что оплошал.

— Мою мать убили твои люди, — сухо сказала Сорока, взглянув на Атли исподлобья.

— Прости, я... — Атли замялся, чувствуя, как мгновенно обрушились хрупкие мостки, которые он день за

днём пытался выстроить между ними шутками и улыбками.

Сорока бросила грязные повязки в лохань, встала и спешно покинула зал, даже не оглянувшись. Атли выругался себе под нос и запустил пальцы в спутанные волосы. Что ж, придётся начинать сначала. Он надеялся, что, если сумеет отыскать ключик к Сороке, она рано или поздно заметит в нём человека, а не врага и поможет сбежать. Главное, чтобы не стало слишком поздно.

Что это за «слишком поздно», Атли не знал. Чернокнижники явно не собирались его убивать в ближайшее время, решив вдоволь поиздеваться. Да и хватит ли у них смелости на его убийство? Возможно, его жизнь, находящаяся в их руках, — единственное, что удерживает армию Вегейра от вторжения в Вольское Царство и мести за смерть наследника. А к полномасштабному сражению с армией Северных Земель чернокнижники вряд ли были готовы. По крайней мере, Атли надеялся, что не ошибается.

10

Двери зала снова распахнулись, пропуская высокую фигуру в алом плаще — Зорана. Белая рубаха распахнута и открывает широкую, покрытую тёмными волосами грудь и золотую татуировку — руну Чернобога. Атли скрипнул зубами, демонстративно отворачиваясь, но продолжая боковым зрением внимательно следить за каждым его движением.

Зоран в сопровождении чернокнижников широкими шагами пересёк зал и опустился на трон, не обратив никакого внимания на Атли. Чернокнижники остались стоять, кутаясь в тёмные плащи. Двух из них Атли запомнил — Огняна и Завид. Остальные называли их Первыми и, как и к самому Зорану, относились с почтением. Ещё пятеро чернокнижников остались стоять поодаль, прячась в тенях. Их тела были испещрены вырезанными прямо по живому рунами, которые удерживали под кожей смертоносные Тени. Носители, свя-

ценные сосуды, способные контролировать Тени, они следовали за Зораном повсюду — живой щит, способный уничтожить любого, кто рискнёт приблизиться к их повелителю.

— Завтра к полудню всё будет готово для казни, — сказал Завид, лысый чернокнижник с белой козлиной бородкой.

— Что с беглецами? — спросил Зоран, поглаживая бороду — густую и чёрную, как и его кудри.

— Мы поймали ещё двоих членов Совета Чародеев, — ответила Огняна. Красивая, с длинной русой косой и ясными голубыми глазами. — Я велела и их подготовить к казни. Ещё четверых пока не нашли, но вряд ли они станут угрозой...

— Мне плевать на угрозу, — оборвал её Зоран. — Все члены Совета должны быть публично казнены. За то, что сделали. Мы кровью платили за их ошибки — пришло время им держать ответ. Делай что хочешь, хоть изпод земли их достань.

Огняна склонила голову.

— Поняла тебя, Зоран.

— После казни устроим пир. Еду и мёд получают все желающие, — Зоран коснулся татуировки на груди. — Люди должны понимать, что зла мы им не желаем, и, если они готовы подчиниться, разделить с нами пищу и принять нашу власть, то никто больше не пострадает. А позже, когда всё немного успокоится, мы понесёт и им слово Чернобога, и они примут его, потому что его рукой будут накормлены и согреты. Сейчас ни к чему тревожить народ волей его. Это понятно?

Чернокнижники закивали, почтительно склонившись. Зоран обвёл их взглядом.

— Но если кто-то открыто и громко будет оскорблять Чернобога или отречься от него, действуйте без сожалений и карайте подобные выходки смертью. Ко мне на суд не ведите, разбирайтесь сами — го-

лову рубить, вешать или ещё что. Наказание должно быть публичным, в назидание остальным заблудшим. К слову, что с князьями за пределами Даргородского княжества?

— Пока всё тихо, — ответил Завид. — Не похоже, чтобы они собирали войска. Наши соглядатаи говорят, что князья растеряны, но никаких активных действий пока не предпринимают. Возможно, ждут, когда ситуация прояснится.

Зоран закивал, продолжая гладить бороду. Глубоко посаженные чёрные глаза его блестили.

— Отправь им послов с щедрыми дарами и выгодным предложением. Нужно убедить их, что для них ничего не поменяется. Пока что... А что слышать из Северных Земель?

— Ничего, повелитель. Тихо. Король Вегейр не выходил с нами на связь. — Завид бросил быстрый взгляд на Атли, будто бы сам удивился своим словам.

12

— Ты сказал ему, что его наследник у нас в заложниках? — обеспокоенно спросила Огняна.

— Конечно! Но он ничего не ответил на послание, — стушевался Завид.

Зоран усмехнулся и перевёл взгляд на Атли.

— Вот как. Значит, пёс останется со мной надолго. — Он протянул гигантскую лапищу. — Иди сюда, гвардейское отродье.

Атли попытался отстраниться, но пальцы Зорана успели ухватить его за волосы и подтащить к себе. Рёбра взорвались болью, заставляющей задохнуться, но Атли крепко сжал челюсти, чтобы не выпустить на волю стон. Медведь в клетке беспокойно заворчал, но никто не обратил на него внимания.

— Я надеялся, что папаша захочет тебя выкупить, но, похоже, ему на тебя плевать, принц Северных Земель. Слышал, что оборотни, попавшие в плен, считаются для своих не лучше подзаборных шавок. Кто же знал, что

это вовсе не байки... Значит ли это, что и пользоваться тобой мы можем как пожелаем?

— Иди... в жопу, — процедил Атли, пытаясь отвернуться, но рука Зорана держала крепко, грозя вот-вот вырвать клоч волос.

Зоран вскинул брови, расхохотался и швырнул Атли себе под ноги. Цепи зазвенели, присоединяясь к оглушительному звону в ушах от боли в рёбрах. Перед глазами закружились мушки.

— Ты страдаешься за всю свою гнилую гвардейскую братию, псина! — рявкнул Зоран. — За все пятьдесят лет, что страдали мы. Испытаешь все унижения, которые щедро отсыпал нам. Благо, вы — северные шавки — живёте долго.

Атли хотел снова послать его куда подальше, но никак не мог восстановить дыхание, ему казалось, что рёбра переломились заново — такой острой была боль, — а каждый вдох делал её ещё хуже. Он уткнулся лбом в пол, стараясь не думать о том, как жалко, наверно, выглядит со стороны: голый, грязный, распластавшийся у ног своего пленителя. Только Волк внутри уверенно стоял на четырёх лапах и, гордо вскинув голову, угрожающе рычал. Он не позволял Атли сдаваться. Даже если они заставят пресмыкаться Атли-человека, Атли-Волка им не достать, не унижить, не отобрать его достоинства. И Атли сделает всё, чтобы так оно и оставалось. Защитить своего Волка — долг каждого оборотня. И однажды, когда придёт время, при первой же возможности Волк его спасёт.

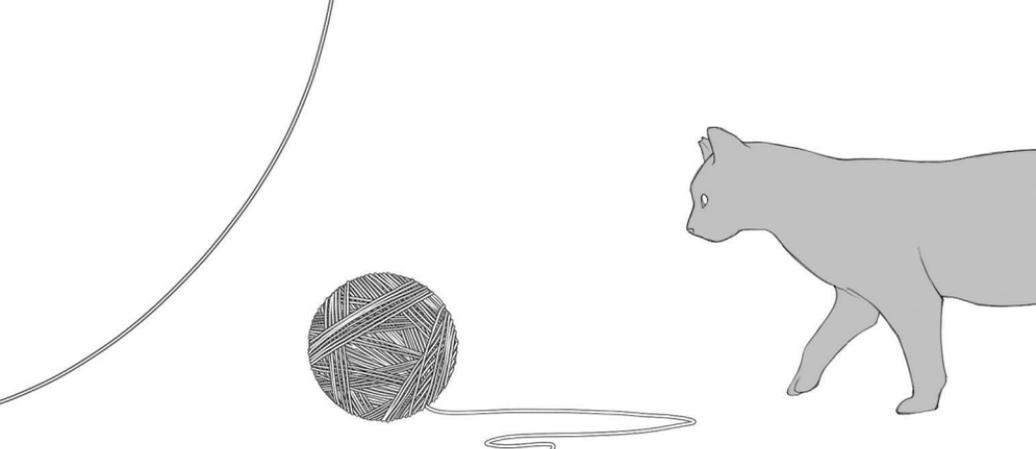
Чернобог.

Загадочный бог,
страстующий по земле.

Он делится даром с
теми, кто к нему
обращается с
молитвой. Даром —
повелевать мивот-
кыли и нечистью.

Цети и молитвы его
нелюби, а последователи
Чернобога — чернохитники —
толкуют его действия
по-разному, надевая
Чернобога своими
слытсалими.

2

ЗАЙЦЫ В СИЛКАХ

Печь медленно прогревала маленькую избушку. Ещё влажный хвост шипел, исходил паром и потрескивал. Деревня в десяток домов оказалась совершенно пустой, а у каждого забора сквозь снег пробивались чёрные цветы волчьего аконита. Всеми забытая, деревенька пряталась за леском, что рос вниз по реке от столицы, и слишком уж напоминала Утопкино. Василиса не сомневалась, что ещё недавно она была полна волколаков, тех, с которыми они сражались в Даргороде, тех, которые убивали горожан и которые убили малютку Дару...

Финист одним быстрым движением вспорол брюхо белому зайцу. Кровь полилась в приготовленную лохань. Рядом на еловых ветках лежал ещё один заяц, уже освежеванный.

Василиса сидела на лавке, подтянув колени к подбородку и прислонившись спиной к тёплой печи, и смотрела прямо перед собой, раз за разом прокручивая в голове слова предсказания немой шаманки из Северных Земель: «Старый мир рухнет, и солнце не взойдёт. Владыка в медвежьей шкуре пролёт кровь и потеряет

